

То ли молитвы Сяо Вэньюя были услышаны Ци Ханьмо, то ли сам великий человек питал особую слабость к этому мрачному переулку, но в тот самый миг, когда Сяо Вэньюй, улепетывая во весь опор, рванул вперед, его внезапно подхватили на руки.

Он так и замер с вытянутыми ногами, в нелепой беговой позе, прижатый к груди своего спасителя. Его носа коснулся тонкий, едва уловимый аромат лимона, присущий только Ци Ханьмо, и Сяо Вэньюй невольно уткнулся лицом в его одежду, жадно вдыхая этот запах.

Ах, это был запах спокойствия.

Маленький котенок в его руках смотрел на него влажными глазами, полными абсолютного доверия, отчего его взгляд казался особенно сияющим.

Ци Ханьмо едва заметно скосил взгляд в сторону переулка, из которого только что выскочил Сяо Вэньюй. Двух злобных псов, которых называли Марионетками, и след простыл, и лишь черная кошка с белыми лапками осталась сидеть на месте. Он бросил на нее холодный взгляд. Кошка ответила вертикальными янтарными зрачками, казалось, она ничуть его не боялась. Напротив, она с вызывающим видом сидела на месте и, словно пытаясь скрыть смущение, принялась методично вылизывать лапку.

Разобравшись с внешней угрозой, Ци Ханьмо наконец соизволил перевести взгляд на дрожащий комочек шерсти у себя в руках. Он усмехнулся, взял Сяо Вэньюя за загривок и, глядя прямо в его бледно-золотистые глаза, процедил сквозь зубы:

— Белый лунный свет, ты в последнее время стал слишком уж притким.

Сяо Вэньюй виновато отвел взгляд и вкрадчиво мяукнул, пытаясь задобрить хозяина. Он даже пустил в ход свое обаяние, нежно потираясь мягкой щечкой о грудь Ци Ханьмо, всем своим видом выражая крайнюю степень подбострастия.

Эта попытка подлизаться, казалось, постепенно утихомирила гнев в сердце Ци Ханьмо. Одному богу известно, какую тревогу и острую боль он испытал, почувствовав, что рядом с котенком могли оказаться Марионетки.

Увы, этот глупый кот ничего не понимал. Ци Ханьмо с силой потрепал его по голове, и мягкость шерстки заставила его смягчиться. Однако на словах он остался непреклонен:

— Излишнее любопытство до добра не доводит. Как говорится, любопытство сгубило кошку.

Сказав это, он не стал больше задерживаться в переулке и, продолжая прижимать к себе Сяо Вэньюя, зашагал в сторону университета.

Да ну нет... Он только что сбежал от толпы жутких женщин, и теперь ему снова туда

возвращаться?

Этот короткий опыт приключений явно не оставил после себя приятных воспоминаний. Сяо Вэньюй сглотнул, подавил в себе бунтарский дух и послушно притих в объятиях своего хозяина, наслаждаясь его заботой.

Лишь мельком он снова глянул на переулок, но той черной кошки с белыми лапками там уже не было. В какой-то момент Сяо Вэньюй показалось, что он вспомнил тот странный, пугающий блеск янтарных глаз, будто кошка пыталась передать ему какое-то послание.

Неужели это был кошачий язык, которого он не понимал? Сяо Вэньюй не знал — в конце концов, он стал котом совсем недавно. А что это были за существа — эти псы, так сильно отличавшиеся от обычных домашних животных?

Все эти вопросы теснились в голове, но он понятия не имел, где искать ответы. Еще совсем недавно, каких-то двадцать лет, его жизнь текла гладко и размеренно, под лучами социалистического материализма, и он никогда не сталкивался ни с чем подобным.

Все началось в тот вечер, когда лунный свет был особенно завораживающим, — вечер, когда он встретил этого человека. Странное желание, превращение в кота, жуткие псы...

Он вспомнил, как все отзывались о Ци Ханьмо: он немного странный.

Неужели за всеми этими странностями стоит сам Ци Ханьмо?

Сяо Вэньюй, свернувшись в его руках, поднял бледно-золотистые глаза и пристально посмотрел в лицо хозяина. Кроме безмятежной, как водная гладь, нежности, он не нашел там ничего.

— Кто ты на самом деле? — не удержался он и спросил вслух.

<http://bllate.org/book/19760/1945929>